Е.А.Кожемякова
Чувашский государственный университет

Формирование семантического компонента ‘яркость’ в истории семантики русских цветообозначений

цветообозначения, история семантики, компонентный анализ

Изучение семантики различных лексико-семантических групп (ЛСГ) в диахроническом аспекте доказывает существование отличий в составе и структуре семантических компонентов (СК) значения входящих в них лексических единиц в разные периоды развития. Интересным представляется не просто описать эти отличия, но и проследить, каким образом древняя структура меняется, приближаясь к современному состоянию. Цветообозначения являются ярким примером ЛСГ, претерпевшей значительные изменения в процессе исторического развития «как в количественном отношении, в плане увеличения состава группы, так и в качественном отношении на семантическом уровне», что детально проанализировано нами в предыдущих работах [Кожемякова 2007: 232]. Рассмотрим формирование СК ‘яркость’ в качестве примера изменений, происходивших в процессе формирования семантики данной ЛСГ.

Во все периоды развития ЛСГ цветообозначений подгруппа красного тона была самой многочисленной. Ее особенностью являлось и то, что уже в древнейший период она начала формироваться на базе индоевропейской праформы *rudh-, которую можно считать «самым древним собственно цветообозначением», поскольку в составе ее семантики выделяется СК ‘цветовой тон’ [Кожемякова 1999: 310]. Эта подгруппа часто демонстрирует изменения в семантике ЛСГ цветообозначений в целом, в частности появление новых СК, поскольку ее многообразный состав требует дифференциации значений.

По данным словарей и исследований, в древнерусском языке XI-XIV вв. ряд названий красного цветового тона включал производные индоевропейской основы *rudh *рудый*, *румяный, рыжии, редрыи;* общеславянские производные корней *čьrv-/*čьrm- *червленыи, червеныи, черленыи, червчатыи, черчатыи, чермныи;* *bag(ъ)гъ *багръ, багряныи*; древнерусские отпредметные и отглагольные цветообозначения *кръвавыи, прапрудныи, вишьневыи, оброщенныи*; заимствованное *алыи*.

Большинство цветообозначений красного тона различают значения за счет уточнения в аспекте носителя и эталона окраски, способа ее приобретения: *рыжии* ‘о волосах человека’, *румяныи* ‘о коже человека’, *рьдрыи* ‘о шерсти животного’, *кръвавыи* - ‘по окраске похожий на кровь’, *прапрудныи* ‘по окраске похожий на прапруду (багряницу)’, *оброщенныи* ‘окрашенный (похожий на окрашенный) красителем брощой’.

Вероятно, изначально СК ‘эталон’ дифференцировал также значения прилагательных *багряныи* (‘окраской похожий на багряницу’) и *червленыи* (‘похожий на окрашенный красителем червцом’). Со временем эти СК теряют значимость, и в противопоставлении *червленого багряному*, имеющемся в некоторых контекстах их совместного употребления, намечается возникновение нового СК – ‘яркость’, что мы и рассмотрим подробнее.

Слово *червленыи*, восходящее к причастию *čьrvienъ, по мнению Н.Б.Бахилиной, сохраняет исконную «глагольность», поскольку в древних памятниках может значить ‘связанный с окрашиванием’, а также ‘окрашенный’ не обязательно красной краской. Существование варианта *червчатыи* объясняется стремлением назвать «цвет безотносительно к процессу окрашивания». Вариант *черленыи* при-

знается более народным [Бахилина 1975: 137-140]. В семантике же варианта *червеныи* (< о.-с. *čьrvenъ) отсутствует «глагольность» и стилистическая окраска.

Все варианты цветообозначения *червленыи* обладают неограниченной сочетаемостью, называя цвет различных предметов. *Червленыи* обозначает цвет одежды и тканей: *Облекоша и въ ризу червлену*. Кир. Тур. О черн. чин.111, других окрашенных человеком предметов: *Знаменаныи черьвленою вервею*. Пал. XIV в. Зав. Иуд. [Срезневский 1989, III, 2: 1556]. Чаще в этой функции выступает *черленыи*: *Чрьленъ стягъ.* Сл. плк. Игор.; *кожухъ черленыи*. Дух. Ив. Кал. 1327-1328 г. [Срезневский 1989, III, 2: 1559]. *Чьрвьчатыи* называет цвет шелка, то есть предмета, окрашенного человеком: *поясъ ...на червчатѣ шолку*. Дух. Ив. Кал. 1327-1328 г. [Срезневский 1989, III, 2: 1558]. Только форма *червеныи* не характеризует окрашенные предметы, обозначая цвет природных явлений и волос, что доказывает отсутствие в ее семантике «глагольности», связи с процессом окрашивания: *Въ доузѣ своиства сѫть чрьвеноє и сине и зелено и багърѧно сѫштиѥмь.* Изб. 1073 г. 247 [Срезневский 1989, III, 2: 1556].

Н.Б.Бахилина предполагает, что слово *чермный* не связывалось «в сознании говорящего с процессом окрашивания» и «обозначало оттенки красного цвета более светлые, чем *червленый*» [Бахилина 1975: 152]. Однако контексты, в которых употребляется *чермныи*, в целом те же, что характерны для форм *червеныи, червленыи*: цвет одежды – *Почто чръмны ризы твоа.* Ис. LXIII.2; цвет во внешности человека – *черменъ лице*^{м}…. Пов. вр. л. 6544 г.; *Ни роусъ, ни черменъ.* Диоптр.Филип.; цвет природных явлений – *потече нбо все и бы*^{с} *чер(м)но.* Радз. л. 6711 г. Следующий пример подтверждает, что данное цветообозначение не утратило связь с красителем: *Ѿво же бяше прапрудно, другое чермьно или въ черви Ѿмочено*. Георг. Ам. (Увар.) л. 26 [Срезневский 1989, III, 2: 1559]. Сложно говорить и о наличии в значении *чермного* семы ‘светлый’. Так, В.В. Колесов, объясняя часто встречающуюся в поздних списках замену прилагательного *чьрмныи* на *чьрныи*, пишет, что «*чьрмьный* – это темный, багровый тон красного» [Колесов 1983: 13].

И.И.Срезневский определяет значение всех вариантов данного цветообозначения как ‘красный’ [Срезневский 1989, III, 2: 1556]. Привлекая экстралингвистические данные о красителе, получаемом из насекомого червеца, окрашивающем ткани «в красный с синеватым оттенком цвет», Н.Б.Бахилина предполагает, что *червленыи* называл именно такой оттенок красного. В качестве лингвистического подтверждения ею приводится описание радуги в Изборнике 1073 г., где *червеныи* следует перед обозначением синего, а следовательно, «червленым называют ... красный с синеватым оттенком» [Бахилина 1975: 143].

Однако прочная связь значения *червленого* с эталонным цветом красителя червца сохранялась лишь на начальном этапе развития древнерусского языка, а со временем прилагательное абстрагируется, отрывается от своего первоначального значения, то есть изменяет конкретизацию СК ‘эталон’, обозначает вообще любой оттенок красного тона. Если бы оно продолжало называть только синеватый оттенок красного, то не использовалось бы для обозначения цвета волос человека.

Слово *багръ* (< о.-с.*bag(ъ)гъ) в словаре И.И.Срезневского определено как ‘багряный, червленый’, *багряныи* тоже определяется как ‘червленыи’ [Срезневский 1989, I, 1: 38), и в большинстве случаев контексты употребления цветообозначений *червленыи* и *багръ, багряныи* совпадают: цвет одежды – *И въ ризѫ багърѧнѫ облгькошѧ и.* Іо. XIX. Остр.ев.; [Срезневский 1989, I, 1: 39]; природная окраска предметов – *…камыкъ сапфиръ багрѧнъ. Пал.* 1386 [Словарь 1988, I: 103]. *Багръ* и *багряный* не используется лишь для называния цвета волос. Однако «*червленый* и *багряный* в некоторых текстах различаются и можно предполагать, что они обозначают разный цвет» [Бахилина 1975: 144]: *Ѿдгьньа с(т)ворить ... Ѿчерьвлена и багряна*. ЛЛ. 1377. 26 (980) [Словарь 1988, I: 103]. Относительно же называемых ими оттенков

существуют противоположные точки зрения: «*багряныи* чуть темнее *чермного*» [Колесов 1982: 31], «багряным называют ярко-красный цвет» [Бахилина 1975: 143] в противоположность *червленому*.

На наш взгляд, первоначально семантика этих слов была связана с определенным эталоном окраски: *червленъ* ‘(похожий на) + окрашенный красителем червцом’, *багръ* ‘(похожий на) + окрашенный красителем багром’. Единство их цветового тона обусловливало их синонимичность, то есть «общность (или близость) значения и взаимозаменимость лексем в однотипных контекстах» [Павлова 2014: 135] – для обозначения цвета одежды, природных явлений. Показателями их синонимичности для древнерусского языка начального периода является, во-первых, то, что от корня *багр-* образована калька с греческого πορφυρα – *багряница* ‘торжественная царская одежда пурпурного цвета’, с другой стороны, «краска, называемая *червлень* --- использовалась для изображения багряниц» [Бахилина 1975: 143]. Во-вторых, *червленыи* и цвет багряницы соотносятся с цветом крови: *снѣгъ черленъ аки кровавъ* [Бахилина 1975: 147], *багъряницу от кръви* ... *облъкъшися* [Алимпиева 1986: 79], следовательно, важным является лишь то, что они имеют красный цветовой тон. Остальные дифференциальные признаки нейтрализуются.

Со временем прилагательное *червленыи* абстрагируется от представления о цвете конкретного красителя, становится так называемым абстрактным цветообозначением красного тона, начинает называть любые оттенки красного, в том числе не чисто красную (рыжую) окраску волос человека. В семантике же слова *багряныи* «намечается явный сдвиг в сторону некоторого высветления и… выярчения определяющего цветообраза», когда «ведущей семой понятийного ядра значения постепенно становится сема ‘ярко-красный’» [Алимпиева 1986: 79-80].

Эти процессы происходили постепенно, и первоначально в случае употребления в одном контексте подразумевалось просто наличие в описываемом предмете или явлении разных оттенков красного тона, не слишком важно каких. Поэтому в различных описаниях радуги *червленыи* и *багряныи* меняются местами. В дальнейшем прилагательное *багряныи* дифференцировало свое значение по СК ‘яркость’. Завершилось формирование этого компонента позднее XII в. В древнерусском языке XIII-XIV вв. сема ‘яркий’ выделяется в значении названий красного тона *багряныи* и *алыи,* в значении которого она сочетается с семой ‘светлый’.

СК ‘яркость’ является новым для ЛСГ цветообозначений в древнерусском языке. Он формируется при взаимодействии членов подгруппы красного тона в результате слияния индоевропейско-общеславянских СК ‘насыщенность’ и ‘светлота’, изменение которых ведет в совокупности к изменению яркости окраски. Это связано с падением значимости СК ‘насыщенность’ и с тем, что дифференцировать значение *червленого* и *багряного* по «старым» признакам уже невозможно: *багряныи* не темнее и не светлее, не насыщеннее и не менее насыщен, чем *червленыи*. Его отличие складывается из совокупного изменения светлоты и насыщенности, что выражает СК ‘яркость’.

Литература

Алимпиева Р.В. К истории формирования и семантического развития цветообозначения «багряный» / Р.В.Алимпиева // Развитие семантической системы русского языка. – Калиниград, 1986. – С. 90-99.

Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке / Н.Б.Бахилина. – М.: Наука, 1975. – 288 с.

Кожемякова Е.А. Особенности семантики индоевропейских праформ прилагательных-цветообозначений, функционировавших в древнерусском языке / Е.А.Кожемякова // Разноуровневые характеристики лексических единиц. – 1999. – С. 28-32.

Кожемякова Е.А. История формирования семантики прилагательных-цветообозначений в русском языке / Е.А.Кожемякова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. – 254 с.

Колесов В.В. История русского языка в рассказах / В.В.Колесов. – М.: Просвещение, 1982. – С.27-40.

Колесов В.В. «Бѣлый» // Русская историческая лексикография и лексикология / В.В.Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – С. 8-17.

Павлова Т.Н. Синонимия отглагольных субстантивов общей деривационной истории в русском языке (диахронический аспект) / Т.Н.Павлова, С.И.Бахтина // Вестник Чувашского университета. – 2014. – № 1. – С. 134-140.

Словарь древнерусского языка (XI-XIV вв.): в 10 т. – М.: 1988.

Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. / И.И.Срезневский. – М., 1989.